

Э. КОЛЬМАН

Против новейших откровений буржуазного мракобесия

Триста лет назад, 22 июня 1633 г., после устрашений в зале пыток святой инквизиции, стоя на коленях в римской церкви Sancta Maria sopra Minerva *, 67-летний Галилео Галилей¹ провозгласил следующее отречение:

«...Я был сильно заподозрен в ереси, а именно в том, что защищал, будто Солнце находится в центре Вселенной и не движется, а Земля не есть центр Вселенной и движется. Чтобы снять с себя перед вашими светлостями и каждым католическим христианином это тяжкое и справедливо против меня возникшее обвинение, клянусь на будущее время ни устно, ни письменно не излагать и не утверждать ничего такого, что могло бы породить снова подобное же относительно меня подозрение...»

Уже тогда борьба религии против науки велась под прикрытием церкви. Церковь выступала в качестве «защитницы прогресса». Она поддерживала кострами и темницами учение Птолемея против учения пифагорейцев. Она использовала самую науку против науки же в своих интересах на службе эксплуататорских классов.

Эта отмеченная Лениным сторона религии как «наиболее изворотливого орудия эксплуатации» присуща ей в настоящее время больше, чем когда бы то ни было. Чем грознее сталкиваются экономические и социальные противоречия, чем запутаннее и безнадежнее становится положение господствующих классов, тем увертливее, замысловатее маскируется религия, тем утонченнее подается религиозный яд в сахарных пилюлях «научных» и философских систем.

---

* Св. Мария выше Минервы (Минерва — античная богиня мудрости, науки) — само название церкви достаточно назидательно.

Со своей стороны религия и церковь делают все, чтобы заручиться союзом с наукой. Известно, что нынешний римский папа Пий XI² не скупится на энциклики. В них он призывает не только к крестовым походам против Страны Советов, активно поддерживая интервенционные планы германского фашизма, не только рекомендует молитву и пост как средства борьбы против мирового экономического кризиса, но обращается также к ученым всего христианского мира — поставить новейшие достижения науки на борьбу с пагубным материализмом.

«Наука также все больше приводит к упрочению замирения, поелику действительно истинные системы так же подчиняются сверхъестественному, как и вера. Поскольку же налицо такое подчинение, то такой благородной, солидной и подлинной науке предвидится во всем свете нужная опора. В наше безвременье, наоборот, ясно заметно, как все чаще пренебрегают этого рода подчинением в научных исследованиях. Больше того, наука прямо поставляет доводы против веры. Но поскольку *бог наукам господь возносящий*, его лишь силы заслуживают доверия. Ныне же столь достойный сожаления материализм, без сомнения, нападает на науки. Он является — в этом нет тайны — на деле бешенством разрушения, имея свою причину в экономическом бедствии и ставя народы всей Земли под угрозу переворота всех устоев и ужасов мучений» *.

«Наука» и «ученые» охотно откликаются.

Существуют десятки университетов, вроде Брайановского в САСШ, специально занимающихся примирением науки и религии. С конца XVII в. имеются особые фонды (например Гиффорда, Саллимана и др.) для чтения курсов научно-популярных лекций и поныне самые выдающиеся ученые Европы и Америки, которые на базе естествознания доказывают необходимость религии и мудрость творца.

Наиболее яркий пример того, как буржуазные ученые преуспевают в сотрудничестве с религией, дает нам в последнее время не лишенная известного трагизма судьба Макса Планка³. Планк, крупнейший из современных физиков, основатель теории квантов, той теории, которая еще больше, чем теория относительности, преобразовала все основные понятия физической картины мира, десятилетиями упорно боролся с идеализмом, с махизмом, боролся за материализм в физике. Правда, Планк никогда не был последовательным, т. е. диалектическим, материалистом, однако он всегда сознательно отстаивал материализм, хотя и с механистических позиций.

* Acta Apostolicade Sedis, 1932, с. 14—15.

Но вот надвинулся мировой экономический кризис, затрещала по всем швам временная относительная стабилизация, для Германии пришла тяжелая зима 1931 г. И Макс Планк пишет в «Берлинер тагеблатт» рождественский фельетон, в котором защищает мирное сожительство науки и религии. Можно было бы подумать, что газетное выступление — просто «случайное» явление и что, допуская религию *рядом* с наукой, Планк все же не ставил вопроса о *подчинении* науки интересам и догмам религии. Ведь такой взгляд о разделении чистого и практического разума — науки для избранных и религии для толпы — широко распространен в кругах буржуазной интеллигенции. Это — взгляд ненавидящего от всей души чернорясников «вольнодумца» Вольтера, который цинически заявил: «Я хочу, чтобы мой поставщик, мой портной, моя жена верили в бога, ибо тогда меня реже будут обворовывать и наставлять рога», это — взгляд всех прежних и современных буржуа-вольтерьянцев, считающих, что «народ всегда груб и туп: это — быки, которым нужны ярмо, погонщик и корм». Но если Планк тогда, может быть, и стоял только на такой точке зрения, то к настоящему дню он успел сделать значительный шаг вперед.

В мартовском номере выходящего в Болонье международного журнала для научного синтеза «Сциенция» Планк поместил статью «Причинность в явлениях природы», начинающуюся знаменитыми словами:

«В такую эпоху, как наша, которая во всех областях культуры вызывает глубочайшее брожение умов, которая начинает расшатывать самые прочные достижения науки и тем самым вообще ставит под вопрос осуществимость какого бы то ни было удовлетворительного движения вперед, для всякого, кто хотел бы взглянуть немного дальше, вдвойне необходимо поразмыслить над исходным пунктом и над основами человеческого мышления и исследования и рассмотреть вопрос о том, какими методами работает наука и какую степень достоверности мы вправе приписывать ее результатам» (с. 153).

И Планк дает развернутую критику модных взглядов на «устарелость» причинности. Планк удачно подбирает веские аргументы, говорящие против широко распространенного в современной физике индетерминизма. Планк выступает поборником каузальности. С каких позиций? Это раскрывают нам лишь последние абзацы.

Определив с самого начала, что «какое-нибудь событие является причинно обусловленным в том случае, если оно может быть предсказано с достоверностью» (с. 154), установив далее, что «до-

стоверность предсказания в высокой мере зависит от индивидуальности предсказывающего субъекта» (с. 162), так что, например, «большая разница, предсказывается ли завтрашняя погода несведущим человеком, сельским хозяином-практиком или научно образованным метеорологом» (там же), Планк под конец договаривается до следующих выводов:

«Сама собой напрашивается мысль, что идеальный дух, до мелочей, насквозь знающий все физические процессы сегодняшнего дня во всех местах вселенной, был бы в состоянии предсказать завтрашнюю погоду во всех подробностях с полной достоверностью, и то же самое можно сказать о всяком другом предсказании физических событий» (там же).

Может быть, этот «идеальный дух» привлечен сюда Планком лишь для большей наглядности, вроде известного верховного разума, который, зная начальные положения и скорости всех атомов мира и умея решить всю систему уравнений, смог бы, как писал Лаплас⁴, предвидеть все детали будущего развития? Но в том-то и дело, что если Лаплас не нуждался в своей системе в гипотезе существования божия, как он гордо ответил Наполеону, Планк не оставляет на этот счет никаких сомнений. Он продолжает:

«Допущение такого идеального духа представляет собою некоторую экстраполяцию, которую нельзя обосновать логическими умозаключениями, но нельзя также и опровергнуть с самого начала, и которую поэтому нужно оценивать не по тому, содержит ли она истину или нет, а только по ее методологической ценности». «Человек со своими органами чувств и со своими измерительными аппаратами сам является частью природы, законам которой он подчинен и из которой он не может вырваться, в то время как для идеального духа не существует такого рода связанности законами природы». «Мы должны согласиться на одно тяжелое условие: мы должны остерегаться искушения спрашивать о том, каким образом идеальный дух добывает себе познания, дающие ему возможность точно предсказывать грядущие события. Такой вопрос был бы столь же бессмыслен, как и вопрос о начале мирового процесса. Мы не имеем ровно никаких оснований отождествлять себя с идеальным духом, но мы должны подчинить себя ему и верить в него. Научным образом нельзя ни доказать, ни опровергнуть его существования, но практически из предположения его существования вырастает возможность проведения строгого детерминизма во всех явлениях природного и духовного мира. В свете его всепроницающего познания мы, люди, всегда и думаем и действуем по вполне определенным, ему

одному известным законам. И это не противоречит нашему сознанию собственной свободы воли...» (с. 162—163).

Измучаться тому, что механистический материализм приводит к признанию существования идеального абсолютного духа, этого «часовщика», заводящего механизм вселенной, не приходится, ибо это следует из самой сущности механизма, если его довести до логического конца. Нечего удивляться также и тому, что такая грустная эволюция постигла Планка в период гитлеровского владычества, которое осуществляет союз маузера и креста. На состоявшемся 23 мая с. г. 22-годовичном заседании Кайзер-Вильгельмовского общества продвижения науки его президент Макс Планк в своей речи заявил, что «теперь никому в Германии нельзя позволить стоять в стороне, с ружьем к ноге», что «теперь единственный пароль — это консолидация всех действенных сил для реконструкции фатерланда». И Планк прочел следующее обращение Общества к Гитлеру: «Кайзер-Вильгельмовское общество продвижения науки просит разрешения послать почтительные приветствия канцлеру и дает торжественное обещание, что германская наука также готова с радостью сотрудничать в строительстве нового национального государства». Выходит, что иные, считавшиеся «левыми», буржуазные ученые перед фактом изгнания сотен выдающихся коллег из-за не вполне арийского происхождения или не национал-социалистического духа поторопились завершить Gleichschaltung⁵, поспешно приноровились к реакции, с одинаковой радостью лижут сапог третьей империи, как и крестное знамение. Но невольно поражает та истинно немецкая аккуратность, с которой Планк «обосновывает» не только бытие божие, но и все важнейшие догматы христианского катехизиса прямо по символу веры, утверждает бога-вседержителя, творца неба и земли, всемогущего, всеведущего, и успевает даже высказаться против пантеизма, за существование этого идеального духа и вне нас и вне природы.

«Счастье» быть использованной в религиозных целях может выпасть на долю каждой науки. Не застрахована от этого и математика. Ленин писал:

«Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевающие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу» *.

И действительно, если не каждое отдельное положение математики и геометрии, то математика в целом в своем историчес-

* Соч., т. XII, с. 183.

ком развитии не только отражает классовую борьбу, но и становится орудием в руках господствующих классов, прямо и косвенно составляя прикрытие для религии, помогая им осуществлять их эксплуататорские цели.

В нашей научной и научно-популярной литературе этот вопрос чрезвычайно слабо освещен. До сих пор, за исключением отдельных статей, почти ничего не прибавлено к тому, что дали классики марксизма. Не было ни одной брошюры, которая в обобщенной форме дала бы то, что по этому вопросу уже вскрыто и извлечено из общеисторических материалов. О солидных научных исследованиях по марксистской истории математики, равно как и естествознания, говорить вообще не приходится.

Тем более отрадно, что появилась первая ласточка — книжка М. Орлова «Математика и религия»⁶, только что выпущенная на украинском языке партийным издательством «Пролетар» в Харькове. Несмотря на крайнюю сжатость, автору, который сам является далеко не заурядным математиком, удается в общедоступной форме изложить важнейшие стороны исторической связи между математикой и религией, и удается ему сделать это без вульгаризаций, с марксистско-ленинских позиций.

Отправной точкой для автора служат, с одной стороны, взгляды основоположников марксизма-ленинизма на религию, с другой — на математику. Исходя из этих взглядов, разъяснив приведенные выдержки, показав принципиальную сторону вопроса, автор переходит к историческим примерам, которые он берет сначала у древних греков (пифагорейцы, Платон), затем в средневековье и у Ньютона, наконец в дореволюционной России. Остановившись особенно подробно на школе Буняковского—Бугаева—Некрасова, книжка подводит нас к пониманию и тех остатков религиозно-математической школы, которые и после революции до наших дней окончательно не вытравлены, и заканчивает беглым наброском математического фидеизма в капиталистических странах. Вывод, к которому приводит книжка: «Математика так же партийна, как и вся наука, она является ареной отчаянной классовой борьбы», дается не в виде ничем не подкрепленной декларации, а обоснована рядом удачных, убедительных конкретных примеров.

Появление книжки М. Орлова вовсе не лишено актуальности*. Для подкрепления выводов, к которым он приходит, можно и следует взять и явления, относящиеся к нашему сегодняш-

---

* Следовало бы эту книжку, с небольшими дополнениями, перевести на русский язык и издать.

нему дню в нашей советской действительности. Дипломированные лакеи поповщины у нас под носом используют математику для наиболее замаскированных форм религиозной пропаганды, для пропаганды идеализма.

Вот статья П. А. Флоренского «Физика на службе математики». В этой статье, где рассказывается о разных механических, гидростатических, электростатических и других методах, применяемых в математике (кстати о наиболее распространенных, наиболее рациональных счетных машинах в ней нет ни слова, зато много внимания уделено курьезам, не имеющим никакого практического значения), имеется и своя вводная принципиальная часть. И вот в этой части статьи ставится вопрос о характере математики. Автор защищает «опытную основу тех или других ветвей математики», которая «неоднократно бывала утверждена, а в отношении геометрии может даже считаться достаточно широко признаваемой» (с. 43).

Прекрасно! Но Ленин учил нас относиться к понятию «опыта» с подозрением. Что же понимает под «опытом» автор? Оказывается, интуицию. Он пишет:

«...И “чистая” логика имеет интуитивные корни, без которых она сидела бы в нас, как инородное, внежизненное, а потому и жизневраждебное образование. <...> Весь состав математического знания опирается на интуиции, и притом, может быть, наименее сознательные» (с. 44).

Правда, странно? Почему бы это логика без интуиции «сидела бы в нас, как инородное тело»? О какой, собственно, интуиции идет речь? Может быть, автор имеет в виду *чувственную* интуицию? Тогда бы в этом не было большого греха. Или он подразумевает *интеллектуальную* интуицию, считая вместе с мистиком Платоном и интуитивистами — одним из современных идеалистических направлений, — что человеческий разум способен созерцать понятия точно так же, как чувственные объекты?

Чтобы ответить на этот вопрос, ознакомимся с тем, кто такой П. А. Флоренский, автор статьи, помещенной в четвертом выпуске журнала «Социалистическая реконструкция и наука» (СОРЕНА) за 1932 год, в органе НИС и техпропа НКТП СССР.

Вот выдержка о печатных трудах П. А. Флоренского: «О символах бесконечности» («Новый путь», 1904, № 9); «К почести высшего звания (черты характера архим. Серапиона)» («Вопросы религии», М., 1906, вып. 1); «Вопль крови» (М., 1906); «Вопросы религиозного самопознания» (Серг. Пос., 1907); «Общечеловеческие корни идеализма» (Серг. Пос., 1909); «Соль земли, т. е.

сказание о жизни старца Гефсиманского скита, иеромонаха аввы Исидора» (Серг. Пос., 1909); «Архиепископ Никон — распространитель “ереси”» (материалы о почитании имени Божия, 2-е изд., М., 1913); «Ж. Таннери. Курс теоретической и практической арифметики» (рецензия в «Богословском вестнике», 1913, № 2); «Столп и утверждение Истины» (М.: Путь, 1914); «Смысл идеализма» (Серг. Пос., 1914); «Письма прот. В. Н. Амфитеатрова к Машкиным» (Серг. Пос., 1914); «Служба Софии — Премудрости Божией» (Серг. Пос., 1914); «Не восхищение непщева» *; «К суждению о мистике» (Серг. Пос., 1915); «По поводу книги Н. М. Соловьева “Научный атеизм”» («Богословский вестник», 1915, № 6); «Около Хомякова (критические заметки)» (Серг. Пос., 1916); «К библиографии Н. И. Надеждина» («Богословский вестник», 1916, № 2); «Письма проф. Московской Духовной академии к А. А. Лебедеву» (Серг. Пос., 1916); «Памяти Вл. Фр. Эрна» («Христианская мысль», 1917, № 11—12); «Письма архимандрита Феодора (А. М. Бухарцева⁷) к казанским друзьям» (Серг. Пос., 1917); «Данные к жизнеописанию арх. Серапиона (Машкина)» (Серг. Пос., 1917); «Троице-Сергиева лавра в России» (в сборнике «Троице-Сергиева лавра», Серг. Пос., 1919); «Храмовое действо как синтез искусств» («Маковец», 1922, № 1); «Небесные знамения» («Маковец», 1922, № 2); «Земной путь богоматери» («Маковец», 1922, № 2).

Это — лишь половина названий, которые, кажется, говорят сами за себя. П. А. Флоренский — не просто рядовой поп, это ученейший воин черносотенного православия, махрового идеализма, беспросветной мистики. С 1911 по 1917 г. он редактировал «Богословский вестник», до того печатал свои профессорские отзывы на диссертации вновь испеченных теологов в «Протоколах заседаний Совета Московской Духовной академии».

Однако П. А. Флоренский чутко воспринимает (интуицией!) дух времени. Вперемежку с «Небесными знамениями» и «Храмовым действом» он напечатал и «Вычисление электрического градиента на витках обмотки трансформатора» («Бюллетень технического отдела Главэлектро», М., 1921) и «Мнимость в геометрии» (М.: «Поморье», 1922)⁸.

* Для читателей, не обучавшихся в духовной семинарии, разъясняем, что, согласно «Словарю церковно-славянского и русского языка» (1867 г., т. 1, с. 939), *непщевати* — думать, почитать, предполагать мысленно. «Непщую себя блаженна быти» (Деян. XXVI, 2); «Да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя или слышит что от мене» (Кор. XII, 6).

Вот эта последняя книжка может послужить нам верным путеводителем. По ней мы разгадаем, что, собственно, надо понимать под «опытом», под интуицией. Там мы читаем:

«Думается, предложенное здесь истолкование мнимостей в связи со специальным и с общим принципами относительности по-новому освещает и обосновывает то аристотеле-птолемее-дантовское миропредставление, которое наиболее законченно выкристаллизовано в “Божественной комедии”» (с. 45).

«Итак, припомним путь Данте с Вергилием. Оба поэта спускаются по кругам воронкообразного Ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом Владыки преисподней. При этом обоими поэтами сохраняется во время нисхождения вертикальность — головою к месту схода, т. е. к Италии, и ногами — к центру земли. Но, когда поэты достигают приблизительно поясницы Люцифера, оба они внезапно *переворачиваются*, обращаясь ногами к поверхности земли, откуда они вошли в подземное царство, а головою в обратную сторону («Ад», песнь XXIII, 76—94).

Когда же мы достигли точки той,
Где толща чресл вращает бедр громаду, —
Вождь опрокинулся туда главой,
Где он стоял ногами, и по гаду,
За шерсть цепляясь, стал всходить в жерло:
Я думал, вновь он возвращался к аду...
Я поднял взор и думал, что найду
Как прежде Диса, но увидел ноги,
Стопами вверх поднятыми во льду.
Как изумился я тогда в тревоге,
Пусть судит чернь, которая не зрит,
Какую грань я миновал в дороге.
“Встань на ноги”, заговорил пиит...» (там же, с. 46).

И Флоренский заключает:

«Поверхность, по которой двигается Данте, такова, что прямая на ней, с одним перевертом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении; в прямолинейное движение без переверта возвращает тело к прежней точке перевернутым». «Дантово пространство весьма похоже именно на пространство эллиптическое. Этим бросается неожиданный пучок света на средневековое представление о конечности мира. Но в принципе относительности эти общегеометрические соображения получили недавно неожиданное конкретное истолкование, и с точки зрения современной физики мировое пространство эллиптическое и признается конечным, равно как и время, — конечное, замкнутое в себе» (с. 47—48).

«На этом поразительном юбилейном подарке средневековой от враждебной ему галилеевской науки дело, однако, не кончается. Вопрос идет о реабилитации птолемео-дантовой системы мира» (там же).

«В птолемеевской системе мира с ее хрустальным небом, твердью небесную все явления должны происходить так же, как и в системе Коперника, но с преимуществом здравого смысла и верности земле, земному, подлинно достоверному опыту (вот каков «опыт»-то. — Э. К.) с соответствием философскому разуму и, наконец, с удовлетворением геометрии. Но было бы большой ошибкой объявлять системы коперниковскую и птолемеевскую равноправными способами понимания: они таковы только в плоскости отвлеченно-механической, но по совокупности данных истинной оказывается последняя, а первая — ложной» (с. 49—50).

Итак, после трехсотлетнего «смутного» времени владычества Галилеевых еретических взглядов над умами ныне устами Павла Флоренского вновь глаголет истина св. инквизиции, земля водворяется снова в центр вселенной, «опыт» здравого смысла торжественно поднимает очи горе к тверди небесной. Казалось бы, что здесь добавить больше нечего. Но Флоренский имеет еще кое-что сказать:

«Обращаясь к птолемеевской системе, мы видим, что внутренняя ее область с экваториальным радиусом

$$R = \left(\frac{23 \text{ ч } 56 \text{ мин } 4.1 \text{ с}}{2\pi} \cdot 300000 \right) \text{ км,}$$

где 23 ч 56 мин 4.1 с есть продолжительность звездного времени по среднему, ограничивает все *земное* бытие. Это есть область *земных* движений и *земных* явлений, тогда как *на* этом предельном расстоянии и *за* ним начинается мир качественно новый, область *небесных* движений и *небесных* явлений, попросту Небо. Этот демаркационный экватор, раздел Неба и Земли, не особенно далек от нас, и мир земного достаточно уютен. А именно в астрономических единицах длины радиус его R равен 27 522 средних расстояний Солнца от Земли. Итак, область небесных движений в 26.5 раза далее от Земли, чем Солнце; иначе говоря, граница ее — между орбитами Урана и Нептуна. Результат поразительный, потому что им птолемео-дантовское представление о мире подтверждается даже количественно, а граница мира приходится как раз там, где ее признавали с глубочайшей древности. Граница мира была за Ураном, о котором сведения были уже смутные» (с. 51).

«На границе Земли и Неба длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечной, а время его, со стороны наблюдаемое, — бесконечным. Иначе говоря, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость. Разве это не есть пересказ в физических терминах признаков идей, по Платону — бестелесных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей. Разве это не аристотелевские частные формы, или, наконец, разве это не воинство небесное, созерцаемое с Земли как звезды, но земным свойствам чуждое?» (с. 52).

Теперь, кажется, ясно, какой «опыт», какую интуицию имеет в виду Флоренский, какое мировоззрение он защищает. Конечно, в 1922 г. он проповедовал взгляды Птолемея *открыто* и делал это при помощи *частного* издательства. Теперь же, в 1932 г., он изворачивается, проповедует те же взгляды в «невинной», тонко *замаскированной* форме и делает это на страницах советского журнала, который широко афиширует себя так: «СОРЕНА издается по специальному постановлению ЦК ВКП(б) и является самым большим и серьезным журналом по вопросам науки и техники», как это можно прочесть на любой обложке журнала начиная с 1931 г. и поныне.

Выходит, что кое-какие авторы за эти годы «поумнели», а кое-какие редакторы наших журналов не проявляют ни на грош бдительности. Вместо нужного привлечения по специальности дается трибуна для пропаганды идеализма. В этом отношении случай с Флоренским не является единственным — проповедью идеализма занимаются и такие ученые, как Вернадский, Френкель⁹, Гамов¹⁰ и др.

Выходит, что наши редакторы не сумели раскусить П. А. Флоренского. Зато его прекрасно понял небезызвестный вождь истинно русского идеализма А. Ф. Лосев. В своей книге «Античный космос в современной науке» (М., 1927, изд. автора) этот мистик, ссылаясь на «Мнимость в геометрии» Флоренского, пишет:

«Таким образом, платоновские *идеи*, вернее, тела как абсолютные носители идеи или абсолютные воплощенности идеи оказываются вполне мыслимыми *математически*. Это есть тело, движущееся со скоростью света, массивное в бесконечной степени и свое время собравшее во всей его бесконечности. Весь платонизм в этой формуле

$$\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}},$$

при условии $v \geq c$. С другой стороны, мысля себе v бóльшим c , мы получаем *мнимую* длину тела, *обратно* текущее время и мнимую массу его. Что это значит? Это значит, что тело проваливается внутрь себя... Это есть выворачивание причины в глубь нее самой, смысловое становление причины следствием, т. е. *причина превращается в цель, в идеал...* Это, разумеется, есть выход из космоса...» (с. 212).

И вот эдакая идеология, написавшая на своем щите двуступенчатые псалма:

Темна вода во облацех небесных,
Тамо гади, их же несть числа...

проходит в наших советских журналах незамеченной. Порою остаются незамеченными и самые гады...

Классовая борьба принимает на данном этапе социалистического строительства особые формы. Тов. Сталин дал с исчерпывающей полнотой анализ сопротивления классового врага со всеми его хитро замаскированными приемами. Ошибается тот, кто полагает, что классовый враг только кулак и подкулачник, что он прячется лишь под видом счетовода, агитирующего за выступление из колхоза; ошибаются те, кто не понимает, что классовая борьба не затухает и на идеологических вершинах, кто не понимает, что анализ, данный т. Сталиным, необходимо, правильно применяя его, приложить и к идеологической борьбе.

Сейчас дело идет о переделке идеологии десятков миллионов людей, уже происходит преодоление пережитков капитализма в человеческом сознании, превращение всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, и борьба за идеологические высоты имеет первостепенное значение. Нельзя дальше терпеть, чтобы наши научные журналы продолжали засорять мозги советского читателя идеалистическими плевелами, которые попадают в эти журналы тем легче, чем больше псевдонаучной мишуры выставлено напоказ и чем больше некоторыми редакторами держится ставка на то жалкое «архигелертерство», которое так основательно и метко осмеял Ленин. Нельзя дальше терпеть, чтобы, прикрываясь «нейтральностью» и «объективизмом», а тем более якобы марксистскими, «диалектическими» ярлыками, разводили у нас идеалистическую заразу.

Дело идет о формировании марксистско-ленинского мировоззрения у миллионов, до сих пор живших осколками частнособственнического, мещанского, поповского мирозерцания, живших суевериями, на «авось и небось», по правилу «каждый за

себя», людей, у которых все эти прежние «устои» теперь бесповоротно рассыпались в прах или — а это относится к подавляющему большинству молодого поколения — у которых и вовсе не было этих «устоев», а лишь какие-то смутные клочки. Этот процесс должен получить подкрепление в лице широко поставленной популяризации марксизма-ленинизма. Дело идет о том, чтобы популярно рассказать о политэкономии, о ленинизме, о коммунистическом обществе, о диалектике природы и т. д., но рассказать это так, чтобы было действительно понятно каждому колхознику, который может прочесть местную газету, рассказать так, чтобы не было ни малейшей вульгаризации и чтобы рассказ толкал мысль вперед.

К сожалению, наши советские ученые делу популяризации уделяют слишком мало внимания. Издательствами это дело также не поставлено на нужный уровень, вокруг него не мобилизовано ни внимание общественности, ни даже самих издательств. Громадное большинство, вернее, почти все научно-популярные книжки и брошюры написаны второстепенными авторами, обратное составляет единичные исключения. Зато нередки в прямом смысле этого слова халтурные произведения, в которых под видом науки излагается сенсационная дешевка, рассчитанная на то, чтобы поразить воображение, даются упрощенческие искажения или, наконец, одни лишь голые результаты научных исканий без указания на пути, на методы, которыми они добыты.

Все это происходит в то время, когда на практике доказано, что мы научились издавать образцовые популярные книжки по техническим вопросам; десятки таких книжек, написанных рабочими-производственниками, налицо. Почему нельзя поручить написание популярной статьи, скажем, о новейших достижениях атомной физики или периодической системе Менделеева¹¹ и т. п. выдающемуся физику, химику и т. д.? Разве наши советские академики и профессора откажутся написать в массовую рабочую или колхозную газету? Нет, конечно, но редакция должна будет поработать с ними, а это много хлопотливее, чем взять готовую статью у халтурщика, который имеет запас наготове, одинаково «популярно» пишет и о протонах, и о Кара-Бугазе, и о гравидане...

Научно-популярная литература для взрослых, если она действительно и популярная, и научная, всегда так выразительна и ясна, что она оказывается по своему стилю и языку родной сестрой лучших художественных произведений, в чем можно убедиться на таких классических примерах, как «Наемный труд и капитал» Маркса или «Удержат ли большевики государственную

власть?» Ленина, а также «Звук» Тиндаля¹², «История свечи» Фарадея¹³, «Жизнь растений» К. А. Тимирязева¹⁴ и т. д. и т. п. Вот почему значительное содействие в создании научно-популярной литературы могут оказать наши писатели-беллетристы.

Необходимо со всей большевистской напористостью взяться за это дело нашим издательствам и развернуть работу по созданию научной популярной литературы. Нельзя здесь отставать от общего культурного роста нашей страны, а следовательно, и от сильно возросших требований трудящихся на углубление их знаний в разных областях идеологии и политики.

Эта задача может быть успешно выполнена лишь при условии максимального усиления со стороны редакторов и издателей революционной бдительности к нарядившемуся в ученую тогу классовому врагу, пытающемуся с большой силой изворотливости и замаскированности проповедовать враждебную идеологию на страницах советских журналов. Не ослабление, а усиление революционной бдительности со стороны некоторых наших редакторов — вот что требуется для пресечения попыток засорять «идейным мусором» сознание строителей бесклассового социалистического общества.

